

Сетевая сюрреализация и город-машина: образы "чрезмерного сознания" в литературных мирах Ф.М. Достоевского.

Павленко Андрей Николаевич

*доктор философских наук, профессор,
руководитель научно-исследовательской группы «Онтология»,
Институт философии Российской академии наук
Москва, Россия*

anpravlenko@mail.ru

Резюме. В работе рассматривается феномен «чрезмерного сознания», который был впервые художественно описан в работе Ф.М.Достоевского «Записки из подполья». Показано, что отличительной особенностью «чрезмерного сознания» является подавление им разума человека, как целеполагающего «центра». В результате этого подавления возникает феномен «бесконечного умножения» любой цели, объявленной разумом, в интервале между зеркалами «Я» и «не-Я». Невозможность сделать выбор приводит к тому, что я называю «сюрреализацией» (от гр. Συνείδησις - «сознание» и гр. Φρίν - «ум»), - *умственным заболеванием*, при котором «чрезмерное сознание» подавляет целевую и синтетическую работу разума. Показано также, что история европейской философии (культуры) всегда находилась перед выбором между двумя доминирующими направлениями мысли: 1) «сократизма», полагавшего, что за ответом на вопрос «кто есть человек?», следует обращаться к «зеркалу сознания», пользуясь максимой «познай самого себя» и 2) «платонизма», полагавшего, что за ответом на этот вопрос следует обращаться к «зеркалу Космоса». Кроме того, отмечено, что анализ появления сознания, связанный с рождением «не-Я» из «Я» приводит к 1) неподконтрольности самого «не-Я»; 2) псевдопарадоксу и 3) редукции «не-Я» ad infinitum. В работе также продемонстрировано, что в условиях возникновения киберпространства «сюрреализация» приобретает форму «инет-сюрреализации», в которой роль «не-Я» выполняет анонимное (неанонимное) сетевое сообщество. В условиях доминирования «зеркала сетевого сознания» зависимый индивид становится полностью управляемым. Несмотря на очевидный поворот в современной философии к «зеркалу сознания», позитивный путь к «зеркалу Космоса», по-прежнему, открыт.

Ключевые слова: Ф.М.Достоевский, сознание, чрезмерное сознание, сюрреализация, сетевое сообщество, разум, киберпространство.

Pavlenko Andrey Nikolaevich

Network syneydofreniya and machine-city : images of "excessive consciousness" in F.M. Dostoyevsky's literary worlds

*The head of the researching group "Ontology"
Doctor of Philosophy, Professor
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia*

Summary. The paper deals with the phenomenon of "excessive consciousness", which was first described in the work of Fyodor Dostoevsky «Notes from the Underground». It is shown that the distinctive feature of "excessive consciousness" is the suppression of the human mind by it, as a goal-setting "center." As a result of this suppression, the phenomenon of "infinite multiplication" of any goal declared by the mind arises in the interval between the mirrors of "I" and "not-I". The inability to make a choice leads to what I call "syneydofreniya" (gr. Συνείδηση – means "consciousness" and gr. Φρήν means "mind") - a mental illness in which "excessive consciousness" suppresses the target and synthetic work of the mind. It is also shown that the history of European philosophy (culture) has always been faced to a choice between two dominant lines of thought: 1) "Socratism", which believed that the answer to the question "Who is man?" should refer to the "mirror of consciousness", using the maxim "Know yourself" and 2) "Platonism", which believed that the answer to this question should be addressed to the "mirror of the cosmos". In addition, it is noted that the analysis of the emergence of consciousness associated with the birth of a "non-I" from the "I" leads to 1) the lack of control over the "non-I"; 2) the pseudo-paradox and 3) the reduction of the "non-I" ad infinitum. The paper also demonstrates that in the conditions of the emergence of cyberspace, "syneydofreniya" takes the form of "Inet-syneydofreniya", in which the role of "non-I" is performed by an anonymous (non-anonymous) network community. In the conditions of domination of the "mirror of the networked consciousness", the dependent individual becomes fully controllable. Despite the obvious turn in modern philosophy to the "mirror of consciousness," the positive way to the "mirror of the cosmos" is still open.

Key words: F.M.Dostoyevsky, consciousness, excessive consciousness, syneydofreniya, network community, mind, cyberspace.

Введение

Обратиться к теме «чрезмерного сознания» меня побудило чтение работ Ф.М.Достоевского. Более того, сам термин «сюнейдофрения» неожиданно и органично родился в момент подготовки к чтению лекции по онтологии и антропологии Достоевского в одном из учебных заведений уже после того, как были опубликованы мои «Лекции о Достоевском» [10].

В самом деле, анализируя такие работы Фёдора Михайловича как «Бедные лю-

ди», «Записки из подполья», «Записки из мёртвого дома», «Преступление и наказание», невольно ловишь себя на мысли о том, что и не было вовсе этих ста пятидесяти лет, отделяющих время их написания и время настоящее. Словно написано всё было о нас самих, о времени теперешнем и о сознании нашего времени, наконец, о мире – нашем.

Так что же так задевает современного читателя в работах Достоевского в связи с темой сознания? В «Записках из подполья» Достоевский высказывает совершенно необычную для этого читателя мысль:

«Но всё-таки я крепко убежден, не только очень много сознания, но даже и всякое сознание – болезнь» [5:IV,581].

В восприятии современного человека эта фраза может показаться не только необычной, но даже дикой: из всех средств массовой информации нам постоянно внушают, что, наоборот - сознание и есть «средоточие современного человека». Без сознания - нет «легитимности права», без сознания - нет «ответственности», без сознания - нет «личности» и т.д. и т.п.

Один из ведущих современных специалистов по философии сознания Дэвид Чалмерс озаглавил свою программную книгу как «Сознающий разум: в поисках фундаментальной теории» (The Conscious Mind: in Search of a Fundamental Theory) [15]. Обратим внимание – не «мыслящий разум», не «рассуждающий разум», но именно «сознающий разум». Это, на первый взгляд, незаметное различие, на самом деле содержит нечто такое, что невольно нас побуждает ещё раз перечитать оба послания апостола Павла к коринфянам и ниже мы увидим – почему это именно так. Уже в самом названии работы Чалмерса отчётливо видна модуляция – *основным предметом человеческого разума является, прежде всего, он сам*. Ведь понятно, что предметом «мыслящего разума» может быть всё, что угодно, но «сознающего» – *только он сам*. Исходя из этого мы видим, что антропоцентризм – именно как светская идеология, родившаяся в эпоху Возрождения – никуда не исчез. Он просто принял новую форму – антропоцентризма, сердцевину которого теперь составляет «сознание человека», а не его «мышление». Начало этого процесса можно уже отчётливо обнаружить в «Философских размышлениях» Л. Витгенштейна [2] с его критикой «строного (логицистского) мышления».

Кроме того, такие специалисты как Петров В.В. давно уже отметили в современной философии поворот от «философии языка» к «философии сознания» [13:3-17].

Конечно, обсуждать все проблемы связанные с философией сознания в небольшой статье не представляется возможным, поэтому я сосредоточу своё внимание лишь на одном его (сознания) аспекте – «чрезмерном сознании» или говоря проще - *непомерно увеличенном объёме сознания* и на некоторых следствиях этого феномена.

Итак, не будем торопиться с поспешными выводами и попробуем задать самим себе, относительно приведённого выше высказывания Фёдора Михайловича, несколько наводящих вопросов, то есть , по существу, сформулируем цель работы в виде вопросов: «почему Достоевский затронул тему сознания?»; «почему он связал её с темой большого города?»; «почему, наконец, он дал сознанию такую неутешительную оценку?».

Сделав это, постараемся, теперь, ответить на эти вопросы по порядку. Итак,

Почему Достоевский затронул тему сознания?

Вопрос этот исключительно важен. Чтобы понять его важность я предлагаю совершить краткий экскурс в историю философии. С моей точки зрения, всякая оригинальная культура, в какой бы период исторического времени она не существовала, проходит этот навязчивый искус «сознанием». Что же это означает на деле?

Для ответа рассмотрим репрезентативный европейский образец – культуру (философию) древнегреческую и попытаемся понять – как она проживала и как переболела

этим искусом.

В самом деле, Сократ задавал, в передаче Платона, казалось бы, самый простой вопрос, беседуя с элеатами: *зачем мне знания о четырех стихиях и знания об устройстве бытия и космоса, если я ничего не знаю о самом себе?* Отсюда следовала максима, заимствованная им со стены храма Аполлона в Дельфах: «Познай самого себя» (Γνῶθι σαυτόν). Чего-то подобного придерживались и софисты – «умники», прибывавшие в греческий полис Афины из Малой Азии. Ведь протагоровское «человек есть мера всех вещей, существующих в том, что они существуют, и не существующих в том, что они не существуют» тоже была из этого же набора антропоцентризма.

Суть этого подхода, если выразить его лаконично, может быть сведена к выражению: чтобы получить ответ на вопрос «кто есть человек?», следует заглянуть в *«зеркало его сознания»*.

Сегодня мы можем с полной уверенностью – как люди, смотрящие на этот процесс с высоты прошлого и настоящего опыта – сказать: если бы софистам и Сократу удалось навязать свои взгляды «большинству», то европейская культура могла бы сложиться совершенно по-другому, а сама её история – пойти по совершенно другому сценарию. Но произошло то, что произошло.

Здесь мы едва ли можем переоценить вклад Платона и идущих за ним, который буквально «поворачивает» стрелку культурного компаса, направляя её острие строго на «Космос». Приблизительно, к 45-50 годам своей жизни Платон, как это легко увидеть из знакомства с его диалогами, изживает в себе «сократизм», подвергая попутно убийственной критике любое проявление софистики. Да, он всё ещё продолжает делать Сократа главным персонажем своих диалогов, но это уже совершенно другой Сократ, который, например, в «Тимее» [12] выполняет чисто номинальную функцию статиста – задаёт наводящие вопросы. Можно было бы сказать ещё лаконичнее: Платон спасает *древнегреческую* (а я сказал бы даже резче – всю европейскую) *культуру* от «сократизма» и как следствие – от навязчивого соблазна погружения в *«зеркало сознания»*.

Водораздел, произведённый Платоном, не может не впечатлять: для того, что бы ответить на вопрос «кто такой человек?», следовало обратиться к *«зеркалу Космоса»!* Так и произошло. Платон создаёт Академию, на вратах которой была помещена надпись: «Не геометр, да не войдёт сюда» (Ἄγεωμέτρητος μὴδεὶς εἰσίτω). И что же мы видим в сухом остатке? А видим следующее: «зеркало сознания», Платоном, заменяется на *«зеркало Космоса»*. По существу, в этом и состоял его культурный подвиг.

Рассмотрев этот образец, мы теперь легко можем обнаружить в культуре любого народа аналогичные процессы, которые сопровождали его собственный рост, в том числе и философский. Понятно, что исторические переплетения эти двух зеркал – «зеркала сознания» и «зеркала космоса» – у разных народов проявлялись по-разному, подчас принимая причудливые формы, но суть этой коллизии от этого не менялась.

Легко догадаться, что коллизия сия не обошла стороной и культуру русскую, роль Платона в которой выпала, как теперь уже не трудно догадаться – Фёдору Михайловичу Достоевскому¹. Это утверждение, по первости, может показаться невероятным – кто, как не Достоевский, всё время говорит о сознании?! Однако не будем торопиться и перейдём к ответу на следующий вопрос:

Почему Достоевский связал тему «сознания» с темой «большого города»?

Позднее, в «Дневнике писателя», как, впрочем, и в «Пушкинской речи», Достоевский неоднократно будет указывать на то, что петровские реформы раскололи Рос-

¹ Теперь, во всяком случае, нам ясно – почему Достоевский затронул тему сознания и придавал этой теме такое большое значение.

сию надвое - одну часть, наибольшую, которая продолжала жить по русским (допетровским) уставам и русскому порядку, следуя русским ценностям и традициям, и другую часть - наименьшую, которая заразилась западными (европейскими) формами и правилами жизни, и которая чувствует себя в России, по меткому выражению Фёдора Михайловича, «как в гостях», то есть – не дома!

Неудивительно, что Петр I, для преобразования русского мира, и столицу-то специально разместил не на «возвышенном месте», как это обычно делалось в истории большинства народов, а на «болоте», в устье реки Невы. Город строился для ломки традиционных устоев, вообще для ломки всего допетровского. И что же в результате получилось? А получился «Петербург», город с нерусским названием, но находящийся в России и как бы противостоящий всему окружающему «русскому миру».

Петербург, по меткому замечанию Достоевского, был именно «умышленный» город:

«...в Петербурге, самом отвлеченном и умышленном городе на всем земном шаре» (Города бывают умышленные и неумышленные) [5:IV,581].

Эта двойственность (расщепленность) и «умышленность» были буквально защищены в Петербурге изначально, давая жизнь тем странным и болезненным явлениям, которые и обернулись катастрофой в начале 20-го столетия. Ведь сознание самих его жителей уже предполагало раздвоенность.

Вот как Достоевский характеризует Петербург и его жителей в «Преступлении и наказании»:

«Да вот ещё: я убеждён, что в Петербурге много народу, ходя, говорят сами с собой. Это город полусумасшедших. Если б у нас были науки, то медики, юристы и философы могли бы сделать над Петербургом драгоценнейшие исследования, каждый по своей специальности» [5:VI,602].

Именно *здесь* и именно *неслучайно* осуществляется рождение такого странного существа как «человек из подполья». Во всём-то у него двойная жизнь, во всём раздвоенность, во всём у него томления и страдания, рождённые этой раздвоенностью, во всём и стремление избыть эту раздвоенность и как следствие - стремление сбежать от неё, и во всём же - тщётность этих попыток. Итак:

Почему Достоевский дал сознанию такую неутешительную оценку?

Человек из подполья стремится остаться в Петербурге. Чем же так манит отставного коллежского асессора Петербург? Достоевский отмечает, что для «развитого человека» девятнадцатого столетия главной его отличительной особенностью является «сильно развитое сознание». Теперь становится понятно «почему»: Петербург влечёт отставного коллежского асессора именно своим *сознанием*. Дело в том, что люди с «обыкновенным сознанием» и живут в *обыкновенных городах* (местах), и, наоборот, люди с непомерно развитым сознанием - я бы сказал с *гипертрофированным, чрезмерным* - и жить должны в соответствующих такому сознанию месте: особом городе, который сам *необыкновенен* (в чём-то *гипертрофирован*). Назовём такой гипертрофированный по числу жителей город «человеконакопителем»¹. Он притягивает к себе людей из подполья именно своей главной особенностью – *ненормальностью, подчеркнуто увеличенным сознанием, его болезненностью*, но даже и не только этим. Главное в человеконакопителе для героя Достоевского – его собственная *востребованность* в нём.

¹ Подобным человеконакопителем в России нынешнего столетия стала Москва. В Москве и её пригородах проживает более одной десятой части населения всей России, что совершенно ненормально, помня о том, что территория России простирается на 11 часовых поясов.

Он знает, что *болезненные истечения его сознания будут востребованы такими же точно существами, с точно таким же болезненным сознанием*. Ведь и сами «Записки из Подполья» есть ни что иное как послание или даже «крик» одного болезненного сознания – другим сознаниям. Крик, который должен *быть услышан*.

Отказаться от этой целительной процедуры «самоудостоверения с помощью отражения в сознаниях себе подобных» значит для больного «сознанием» человека вступить на путь *саморазрушения*. Этого он как раз и не может себе позволить. И именно поэтому он ни за что не хочет покидать Петербург.

В неестественном (не скажу «противоестественном») и *больном городе* живут больные «сознанием» люди. *Эта болезнь для них превратилась в некий род зависимости – ведь они уже и не могут жить иначе!* Отметим пока для себя эту важнейшую его черту.

Там, за пределами Петербурга, где *жизнь идёт своим естественным чередом*, он будет просто не нужен, ведь сознание его обитателей – *здорово и не нуждается в постоянном самоудостоверении методом отражения в сознаниях себе подобных*. Человек с «обычным» сознанием, в терминологии Достоевского, всегда *самодостаточен*. У него нет потребности или даже нужды *самоудостоверения*.

Но у подпольного человека, обременённого ношей сознания, всё не так. Жизнь не в человеконакопителе для него буквально *глупа*. Ведь человек без постоянной ноши сознания, по мнению героя «Записок из подполья» - глуп:

«Ну-съ, такого-то вот непосредственного человека я и считаю настоящим, нормальным человеком, каким хотела его видеть сама нежная мать-природа, любезно заставляя его на Земле. Я такому человеку до крайней желчи завидую. Он глуп, я в этом с вами не спорю, но, может быть, нормальный человек и должен быть глуп, почему вы знаете?» [5,IV,585].

Итак, мы установили «место», где сознание становится исключительно востребованным – это огромный город, гигантское скопище людей – *человеконакопитель*, а с точки зрения его организации, его функционирования, он предстаёт уже в несколько ином виде – это *город-машина*, в котором каждый его житель, подобно маленькой шестерёнке, выполняет свои функциональные обязанности¹. Зафиксировав это, двинемся дальше.

Введение понятия «сюнейдофрения»

Для начала зададим безобидный вопрос: что происходит с индивидом, который попадает в человеконакопитель и который минимизирует свою индивидуальность?

Ведь с этим процессом сталкивается и сегодня любой человек, приехавший в человеконакопитель из маленького провинциального города. Допустим, у этого человека были, по меркам этого города, незаурядные музыкальные, математические, литературные и любые другие способности. Попав в человеконакопитель, этот человек с удивлением обнаруживает, что в этом новом для него городе людей с такими же, как у него, способностями – десятки, сотни, а может - и тысячи. Таким образом, его незаурядность минимизируется, становясь в новых для него условиях *общей* («многотысячной») способностью. Если же он рассматривал свою незаурядность в родном городе как следствие его исключительной неповторимой индивидуальности, то в человеконакопителе она низводится до общего, неисключительного, обычного.

А теперь представим, что в человеконакопитель из провинциального города попадает обычный человек без незаурядных способностей. Что происходит с ним? Он

¹ Несколько подробнее эта тема разобрана мною в работе «Возможность техники», Гл.2. [8]

просто растворяется в море таких же точно обычных людей. Здесь таких как он - миллионы, а может и десятки миллионов.

Именно это растворение собственной – пусть и неисключительной – индивидуальности в море себе подобных и порождает часто весьма болезненные формы реализации потребности «заявить о себе», о «своей неповторимости». Конец XX-го и начало XXI-го века найдут выход для этих людей в виде суррогатных ток-шоу и сетевых сообществ. Перед человеком с «растворённой» индивидуальностью очень часто открывается только одна возможность – такой выбор чаще всего совершают наиболее слабые – перестать сопротивляться давлению человекакопителя и «опуститься» на дно: стать бомжом, маньяком и т.д., то есть, по сути, утратить человеческий облик. Или опуститься иным образом: удариться в пьянство, наркоманию, разврат, обжорство или в другие подобные способы. Ни первый, ни второй варианты «опущения» сути не меняют: человек утрачивает в себе «человеческое» и обращается в «животное»

Очевидно, что рассмотренный в интервале между «человеком» и «животным», он удаляется от собственно *человеческого*, приближаясь к собственно *животному*.

Так и есть, минимизирование *индивидуального* в человеке объективно способствует утрате в нём собственно *человеческого*.

Город-машина буквально перемалывает *индивидуальное*, превращая его в «мучную» массу *подобного, общего, безликого и безиндивидуального*. На этой стадии человек ещё продолжает оставаться человеком со вполне узнаваемыми очертаниями. Однако черты эти становятся *анормальными, гипертрофированными*.

Наглядной иллюстрацией этого процесса может послужить картина Брейгеля Старшего «Кухня жирных».

Мы видим на ней людей, у которых чрезмерно увеличена масса тела. Оболочка человеческой плоти готова разорваться изнутри от создавшегося непомерного внутреннего давления. Они всё ещё - люди, хотя и узнаваемые уже с трудом.

Так чем же может оказаться полезен Брейгель Старший при рассмотрении «утраты человеческого» в героях Достоевского и в жителях человекакопителей ?

Дело в том, что у Достоевского мы наблюдаем ту же «картину», правда, изображённую не графически, а литературно. Действительно, у Брейгеля Старшего на *оболочку тела человека* давит *объём увеличенной плоти*, а у героев Достоевского на *оболочку ума человека* давит непомерно *увеличенный объём сознания*. Увеличенное до непомерных размеров сознание героя Достоевского в «Записках из подполья», гипертрофированное до «болезни» - это ли не картина Брейгеля Старшего, написанная с натуры в Петербурге XIX века?

Герой Достоевского – это и герой Брейгеля Старшего, правда, рассмотренный в другую эпоху и в других обстоятельствах.

Ведь что такое сознание, ставшее «болезнью»? С психо-физиологической точки

зрения – это всё та же аномальность. Покажем это с помощью *наглядной* (физиологической) *аналогии*. Для сравнения, представим перед собой нормальное тело здорового (обычного) человека, у которого и «сознание» является здоровым. Всё в нём будет пропорционально и соразмерно. А теперь, допустим, что у другого существа – необычного – сознание непомерно увеличено. Каким аналогом в физиологическом теле мы могли бы отобразить это увеличение?

Понятно, что это будет человек, у которого размер головы – именно как «место средоточия сознания» - был бы равен размеру его туловища.

А теперь давайте ясно представим себе эту физиологическую аналогию графически: очевидно, что перед нами получится несчастный и больной человек. В медицине такая болезнь называется *гидроцефалия*. У больных гидроцефалией ослаблен или не работает механизм вывода жидкости из черепной коробки, в которой буквально «плавает» мозг. Этой жидкости становится *избыточно много*. У маленьких детей, черепные кости которых ещё допускают изменения, это приводит к резкому увеличению размера головы в сравнении с размером остального тела:

Понятно, что её аналогом в умственной (идеальной) сфере будет болезнь, которую впервые литературно описал Достоевский, и которую я в этой работе лишь выделяю в явном виде. Другими словами, аналогом *физиологической* (материальной) болезни (гидроцефалии) в *умственной* (идеальной) сфере будет заболевание, при котором «сознание» увеличивается в своём объёме настолько сильно (его, подобно мозговой жидкости, становится *настолько много*), что оно парализует работу «ума». Греческое слово $\Sigma\nu\nu\epsilon\acute{\iota}\delta\eta\sigma\eta$ - означает «сознание», а греческое слово $\Phi\rho\acute{\iota}\nu$ - означает «ум», «душа». Такую болезнь я и называю «*сюнейдофрения*». Причём, её не следует путать с «шизофренией», которая предполагает просто «расщеплённое мышление». Сюнейдофрения – это именно переизбыток сознания, то есть «чрезмерное сознание».

Любопытным иллюстративным примером «сюнейдофрении» может служить скульптура, размещенная в одном из Ирландских парков недалеко от Дублина:

Следствия сюрреализма

У героя Достоевского сознание увеличено до болезненно нездорового размера. Это «отёк сознания», его «водянка». Люди с такой болезнью склонны к зеркальному пролифицированию данных своего сознания, наподобие того, как пролифицируется изображение предмета, помещённого между двух (нескольких) отражающих друг друга зеркал.

«Игра изображений» в таком зеркале уходит в бесконечность.

Так и с героем Достоевского. Помещённый между зеркалами сознания, он не может сделать ни одного строгого и окончательного вывода, чтобы на другом шаге не отразиться в его противоположности.

Вспомним, как часто герой Достоевского обращает внимание на эту немощь своего «опухшего сознания»:

«...Но я остаюсь в Петербурге; я не выеду из Петербурга! Я потому не выеду – Эхъ! Да ведь это совершенно всё равно – выеду я или не выеду».

К чему приводит «сюрреализм»?

(К чему приводит замуровывание себя в кладовую сознания)

Заживо замуровав себя в «кладовую сознания», со всеми её бесконечно слоющимися отражениями, утопая в этих бесконечных отражениях, герой признаётся, что эта

«подлая» черта сознания – *невозможность на чём-нибудь остановиться*, - довела его до фактической *никчёмности*.

«...Я не только злым, я даже и ничем не сумел сделаться: ни злым, ни добрым, ни подлецом, ни честным, ни героем, ни насекомым. Теперь же доживаю в своём углу, дразня себя злобным и ни к чему не служащим утешением, что умный человек и не может серьёзно чем-нибудь сделаться, а делается чем-нибудь только дурак» [5:IV,579].

Здесь точно фиксируется критическая ситуация: ум человека оказывается подчинён чрезмерному сознанию, но главное – *подавлен им*. Чрезмерное сознание, «опутывая» ум, закрывает ему путь к непосредственному усмотрению сути вещей – интеллектуальной интуиции. Ум, попав в сети чрезмерного сознания и утратив власть над ним, становится беспомощным, утрачивая теперь уже главную для человеческого существования способность – *способность целеполагания*. Очень часто, в результате этого процесса – человек опускался в «подполье»:

«Но именно вот в этом холодном, омерзительном *полуотчаянии, полувере*, в этом *сознательном погребении самого себя заживо с горя, в подполье на сорок лет*, в этой усиленно-созданной и всё-таки отчасти *сомнительной безвыходности своего положения, во всём этом яде неудовлетворённых желаний, вошедших внутрь, во всей этой лихорадке колебаний*, принятых навеки решений и через минуту опять наступающих раскаяний – и заключается сок того странного наслаждения, о котором я говорил» [5:IV,586].

Псевдопарадокс сознания

У подпольного человека нет никакой *опоры: ни во внешнем мире* (он - враждебен или уподобляется «природной стене»), *ни во внутреннем* (он – кошмарный калейдоскоп сознания, в котором нет самих объектов, но есть только их бесконечно и зеркально слоющиеся отображения).

Мы в вправе спросить: так в чём же пагубность непомерно увеличенного сознания?

Для ответа на этот вопрос попробуем воспроизвести механизм работы сознания. В самом деле, для осуществления «сознания» как мыслительной процедуры необходимы, на мой взгляд, следующие компоненты и процедуры:

1) Существующее (мыслящее) «Я». То самое, о котором говорил Декарт в «Рассуждении о методе» [4:268-269].

2) Способность «Я» расщепляться, то есть, *одновременно*, и оставаться самим «Я», и становится «не-Я», то есть - овнешнять своё «Я» по отношению к нему самому. В научной литературе эта процедура получила название «рефлексии». *Эта процедура и есть расщепление “Я” надвое, то есть рождение сознания*. Вообще говоря, уже здесь намечается логическое противоречие¹, которое можно выразить достаточно строго : «Я есть не-Я», то есть «А есть не-А». В данном случае, речь идёт о том, что «Я» *одновременно* является «не-Я» в одном и том же *смысле* и в одном и том же *месте*. Если же мы хотим избежать противоречия, то, следуя Канту², должны допустить, что «Я» и «не-Я» являются таковыми не *одновременно*, но *последовательно*. Однако и этот аргумент не спасает положение. Ведь тогда проблема с противоречием только усугубляется: один и тот же индивид в каждый последующий момент должен менять «Я» на «не-Я» и наоборот. А это ещё более тяжёлая проблема. Ибо допустив это, мы не смогли бы

¹ А как мы знаем, логически противоречивые объекты – такие как деревянное железо, круглый квадрат и пр. – существовать не могут.

² Смотрите об этом подробнее в работе фон Вригта Г.Х. [16:529].

предъявить ни одного морального или юридического обвинения ни одному индивиду.

Теперь хотя бы становится понятно, почему Достоевский прямо указывает на то, что «всякое сознание – болезнь».

3) Способность “не-Я” принимать на себя функции “Я”, то есть судить о чём-либо, например, о том же “Я”, оценивать его чувства, переживания, мотивы, поступки и пр..

Мы видим, что сама структура сознания, сама его природа, предполагают расщепление единого “Я”. Казалось бы этой схемы и достаточно для объяснения природы сознания. Однако такое решение может оказаться заблуждением. И вот почему.

В самом деле, если мы расщепляем “Я” ради появления сознания, то не вступаем ли мы на скользкий путь саморазрушения? Поясню. Для чего возникает “не-Я”? Ответ очевиден: для контролирования знания (переживаний, чувств и т.д.), которым обладает “Я”. Хорошо, допустим.

В этом случае получается, что мы, по видимости, решили требуемую задачу: сделали “Я” контролируемым.

Но что же в действительности произошло на наших глазах? А произошло следующее: неконтролируемое “Я” стало подконтрольным “не-Я”. Всё верно.

Но, к сожалению, радоваться нечему. Почему? Потому, что бесконтрольность (неконтролируемость), принадлежавшая до этого “Я”, перешла теперь к “не-Я”. Теперь “не-Я” стало неконтролируемым¹. Ведь так и есть: “не-Я” теперь контролирует “Я”. Хорошо. Теперь зададим новый вопрос: а кто (что) контролирует “не-Я”?

«Я» его контролировать не может по определению: в этом случае получился бы круг, напоминающий псевдопарадокс («Я» контролирует «не-Я», которое, в свою очередь, контролирует «Я» и т.д.), из которого как раз и хотят вырваться приверженцы «зеркала сознания». Вот здесь и начинается самое интригующее. В этой ситуации, для апологетов «зеркала сознания», остаются только две возможности:

А) Возможность заявить о том, что “не-Я” является условием появления сознания и его природа не обсуждается. “Не-Я” просто постулируется и всё! Очевидно, что это психологический догматизм.

Б) Возможность признать – если мы не хотим получить диктатора в форме неконтролируемого “не-Я” – необходимость введения следующего «не - “не-Я”», который бы выступал контролёром деятельности “не-Я”.² Однако, введя «не - “не-Я”», мы, с необходимостью, сталкиваемся с воспроизводством прежней проблемы на новом уровне и с другим фигурантом. Этому новому «неподконтрольному «не - “не-Я”»» понадобится новый контролёр и так до ... бесконечности.

Что же у нас остаётся в сухом остатке? Мы установили, что

I) “Я” расщепляется на “Я” и “не-Я”;

II) “Не-Я” оказывается неподконтрольным не только “Я”, но вообще никому и ничему;

III) В роли “не-Я”, не в случае отдельно взятого индивида, а в принципе - могут выступать *что* угодно и *кто* угодно;

¹ Ниже мы увидим - к каким социальным последствиям это приводит. Кроме того, не поэтому ли некоторые специалисты по сознанию предлагают вводить *второго наблюдателя*.

² Любопытно, что эта проблема касается и всех других черт сознания, например «интенциональности», о чём прямо говорит Дж.Сёрль: «Сказать, что агент осознаёт условия выполнимости своей осознанной веры или желания, не значит признать наличие у него Интенционального состояния второго порядка, относящегося к его первопорядковому состоянию веры и желания. В противном случае, мы действительно попали бы в регресс в бесконечность. Поэтому следует признать, что осознание условий выполнимости является частью осознанной веры или желания...» [13:119-120]. То есть, речь идёт о регрессе репрезентации.

IV) Попытка взять под контроль “не-Я” ведёт ad infinitum в череде возникновения всё новых и новых “не-Я”.

V) Фактически, это означает, что “не-Я” уходит из под контроля и становится диктатором в отношении “Я”.

Итак, легко увидеть, что возникновение «сознания» сталкивается с той же трудностью, с которой сталкивается и возникновение «представления» [7].

Компьютерная сеть (сетевое сообщество) как «зеркало коллективного сознания»

В предыдущем разделе мы установили, что одна из главных проблем, с которой сталкивается объяснение сознания – это “не-Я” и его неподконтрольность. Конечно, Фёдор Михайлович, не мог, уйдя из жизни в 1881 году, знать о появлении в конце 20-го столетия интернета и как следствие – сетевых сообществ. Конечно, всё это возникло под влиянием научного и технического прогресса. Конечно, первая «сеть» компьютерных абонентов возникла как реализация потребностей спецслужб США. Всё это так. Но что получилось в результате? И как с этим результатом могут быть связаны размышления Фёдора Михайловича? На мой взгляд – самым непосредственным образом.

Если мы припомним типаж главного персонажа Достоевского, обсуждавшегося в связи с темой сознания – *человека подпольного* – то не сможем не обратить внимание на его поразительную современность, именно как типажа, то есть, как некоторой идеальной (но вместе с тем сущей) реальности, который оказывается близок и 19^{му} веку и веку 21^{му}. Так в чём же эта близость? Попробуем ответить на этот вопрос. Начнём с того, с чего начинал и Фёдор Михайлович – с города-машины, с человеконакопителя.

Итак, воспроизведём ещё раз две главные причины, по которым отставной коллежский асессор отказывался покидать Петербург:

1) Главное в человеконакопителе для подпольного человека – *его собственная востребованность в нём*. Он знает, что болезненные истечения его сознания – именно как снудейдофрена – будут востребованы такими же точно существами, с точно таким же чрезмерным сознанием.

2) Подпольный человек не в состоянии отказаться от этой целительной для него процедуры «самоуверенности» с помощью отражения в сознаниях себе подобных. *Ведь отказ от этой процедуры для человека больного «сознанием» означает – вступить на путь саморазрушения*. А этого он сделать не может никак.

Но ведь ровно всё то же самое мы наблюдаем в современных человеконакопителях: у их жителей с этим же самым больным сознанием. Именно они – эти больные «сознанием» люди, с их обычностью и «растворённой» индивидуальностью – были угаданы создателями сетевых сообществ как *рынок неудовлетворённых потребностей*. Потребностей в общении как раз тех людей, которые оказались не востребованы и неразличимы в общем человеческом море таких же как они. То есть, эти люди, по меткому замечанию Ортеги-и-Гассета, стали «массами» [6].

Значительная часть – если не сказать абсолютное большинство – этих людей ведёт жизнь именно *людей подпольных*: экзистенциально одиноких, заброшенных, людей-насекомых (в смысле Достоевского и Кафки¹), заурядных, незаметных, обычных. Сетевые сообщества и возникли как ответ на нужду удовлетворения их потребности – *быть востребованными и за пределами исполнения их функциональных обязанностей*.

Вступая в сетевое общение, эти люди удваивают свою «подпольность» в отношении к «коллежскому асессору» Достоевского. Сегодня им кажется, что они имеют привилегированный доступ к *анонимности*. Ведь именно для них были придуманы «никнеймы» и «аватары». *Публичная жизнь под вымышленным именем и вымышлен-*

¹ Смотрите «Лекцию третью» в [10]

ным изображением самого себя - это ли не расщеплённость как основное свойство сознания-болезни?!

Некоторые исследователи [11] выделяют такие факторы и угрозы «сетевого общения» как:

1) Во время погружения в «сетевое общение» возбуждается «центр удовольствия», что приводит к net-зависимости (желанию продлить удовольствие);

2) Снижение концентрации внимания;

3) Информационная зависимость (можно назвать её «информационной неводержанностью»);

4) Снижение интеллекта (поглощение пустой информации, не требующей размышления).

При этом следует помнить, что *сетевое пространство* - это ведь и *киберпространство*. Мало кто задумывается над этим, но изначальный смысл греческого слова *κῦβερνάω* как раз и означает «управлять кораблём». Несколько шире – вообще «управлять». Но ведь так и есть: *сетевое киберпространство* – это и есть пространство, создаваемое участниками сети, управляемое с помощью математического моделирования [3] и Vim-технологий [9:160-164]. Доверившийся ему индивид – «Я» обнаруживает в сетевом сообществе своё «не-Я», которому, предварительно вступив в него и дав на это согласие, он и *доверяет контроль над собой* и добровольно соглашается на процедуры управления им самим [1]. Возникает совершенно новое явление – «Интернет-сюнейдофрения».

Интернет - сюнейдофрения

Итак, интернет сообщество (социальная сеть) позволяет человеку покинуть свое подпольное одиночество и выступить полноправным участником общения под вымышленным именем (никнеймом) и вымышленным изображением (аватаром) в виртуальном пространстве. В определённом смысле, «подателями сети» ему гарантируется сохранение его подпольности (если он того пожелает). Так он, как ему кажется, вступает в игру под названием «сознание». Причём, ему, по-прежнему, кажется, что анонимно.

Думаю, значительное количество пользователей социальных сетей и не подозревают, что существует IP-адрес и вся выдуманная ими «анонимность» является мнимой. Однако социальные сети дают главное – они явились, фактически, ответом на главный вызов в современном человеконакопителе – в условиях гигантского скопища людей, *огромное множество индивидов является фатально одиноким с чертами «подпольности»* [14]. У одних индивидов это выражено сильнее, у других – слабее. Однако сути это не меняет: сетевые сообщества – и были ответом на этот вызов.

Почему же именно такой – слабый - индивид нуждается в сетевом сообществе? Потому, что индивид полноценный, самодостаточный имеет множество *прямых способов* реализации общения. Человек из подполья – сюнейдофрен – такой возможности не имеет или почти не имеет: он не уверен в себе, он избыточно застенчив и как следствие – в своём собственном сознании избыточно самонадеян. То, что он не реализует прямо, он готов с лихвой реализовать в «подпольном сетевом мире». Главная его особенность¹, по-прежнему, та же – он подавлен собственным, а нашим, последнем

¹ Конечно, есть и ещё одна немаловажная причина: отдельный человек с низкими или даже со средними способностями фактически растворяется в этом человеческом море, переставая быть в социально значимых контекстах «заметной фигурой». Поэтому он с лихвой компенсирует свою «незаметность» представленностью собственной жизни в той или иной социальной сети.

случае – сетевым сознанием, выступающим для него как его «не-Я».

Современная сюрреалистическая культура, безусловно, приобрела коллективный характер. Если раньше контролёром «Я» выступало такое же индивидуальное «не-Я», как это было у «коллежского ассессора», то теперь контролёром пытается быть – а в огромном числе случаев так уже и есть – «не-Я» в виде анонимного (или неанонимного) сообщества других инет-сюрреалистов. Этим открывается возможность к тому, что «другие» анонимно и скоординировано принуждают подпольное «Я» сюрреалиста поступать тем или иным способом [3:182]. В этом случае, рядовой сюрреалист становится лёгкой добычей того, кто управляет этим процессом в созданном им киберпространстве «сетевого сообщества».

Заключение

Мы видим, что ситуация с ответом на вопрос «кто есть человек?» со времён Достоевского не изменилась ни на йоту. Для ответа на него достаточно заглянуть в Facebook или в Instagram, в «Мой мир» или в «Одноклассники».

«Подпольная» жизнь в сетевом сообществе часто становится важнее жизни реальной, в которой нет ни никнеймов, ни аватаров.

Основной вывод получается неутешительный: то, от чего отечественную культуру пытался спасти Достоевский, указав спасительный выход из *зеркальной ловушки* сюрреалистической в тезисе «Мир спасёт красота»¹, предложенном в романе «Идиот» сто пятьдесят лет назад, возобладало вновь, обретя и новые формы, и новые методы, и мировые масштабы.

А что же в сухом остатке? С сожалением, я вынужден констатировать, что отечественной культуре (и не только ей) так и не удалось до сих пор совершить платоновский поворот от «зеркала сознания» к «зеркалу Космоса». Более того, «сократизм» вновь возвращается в качестве доминирующего способа мышления, главная задача которого «познать самого себя». Мы отчётливо наблюдаем контрплатоновское усилие, направленное на переформатирование европейской культуры. Можно не сомневаться, что это усилие обнаруживает себя во всех её сферах и, прежде всего, в философии. Обнадёживает только одно - история не заканчивается сегодняшним днём.

Конечно, мне могут выставить упрёк: ведь, не все же участники сетевых сообществ суть сюрреалисты и не все жители человекокопителя – больны непомерно увеличенным в своём объёме сознанием! Согласен, не все. Но моей задачей и не было стремление уличить того или иного индивида в существовании у него чрезмерного сознания. Ни в коем случае. Своей задачей я видел только стремление описать и поименовать этот болезненный феномен современного мира, в принципе, или, так сказать - в общем виде. Ведь именно в этом и состоит основная задача философии.

Литература

- [1] Бард А., Зондерквист Я., Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма.- СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004, 252 с.
- [2] Витгенштейн Л. Философские исследования//Философские работы, Часть I, - М.Гносис, 1994.
- [3] Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г., Социальные сети: модели влияния, управления и противоборства/Под ред. Чл.-корр.РАН Д.А. Новикова.- М.: Издательство физико-математической литературы, 2010.-

¹ Следует помнить, что перевод той самой «красоты», которая «спасёт мир», на греческий язык как раз и означает «Космос».

228 с

- [4] Декарт Р. Сочинения в двух томах, М. Мысль, 1989, Т. 1.
- [5] Достоевский Ф. М., Полное собрание художественных произведений в 12-ти томах. Рига, Издательство «Жизнь и культура», 1928.
- [6] Ортега-и-Гассет, Восстание масс, Москва, АСТ, 2016, 256 с.
- [7] Павленко Андрей, Физика и театр: трагедия представления//Человек, 1999, № 4, С.
- [8] Павленко Андрей, Возможность техники, - С.П.б., Алетейя, 2010, 224 с.
- [9] Павленко А. Пределы intersubjectivity. Критика коммуникативной способности обоснования знания, С,П,б., Алетейя, 2012, - 278 с.
- [10] Павленко Андрей, Лекции о Достоевском, - С.П.б., Алетейя, 2016, 272 с.
- [11] Перов Николай, Вред социальных сетей: влияние на психику.
URL: <http://nperov.ru/soznanie/vred-socialnyx-setej-vliyanie-na-psixiku/>
- [12] Платон, Тимей//Собрание сочинений в четырёх томах, М. Мысль, 1994, Т.3.
- [13] Философия, логика, язык, - М. Прогресс, 1987, - 333 с.
- [14] Хоган Барни, Анализ социальных сетей в интернете. URL:
<https://postnauka.ru/longreads/20259>.
- [15] Chalmers D. J. The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. New York, Oxford: Oxford University Press, 2002. – 432 p.
- [16] Wright von G.H., «Time, Change and Contradiction» in «Philosophical Papers of Georg Henrik von Wright», Volume II, Philosophical Logic, Cornell University Press, Ithaca, New York, 1983, pp.115-131.